

ПОЗДНЕБРОНЗОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЧЕПКУЛЬ 5 В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

В.А. Зах, В.В. Илюшина

Рассматриваются материалы позднебронзовых погребений, обнаруженных при исследовании многослойного поселения Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье. Изучено две группы захоронений. К первой относятся остатки пяти погребальных комплексов, расположенных ближе к краю террасы. В двух случаях это сосуды, находящиеся в черной супеси, в двух — сосуды стояли в неглубоких могильных ямах, перерезающих материк. Костяки не сохранились. В погребении 3, впущенном в культурный слой поселения, сохранились остатки костяка, по которым определяется положение погребенного на правом боку, головой на 3. У головы стоял сосуд. Вторая группа, состоящая из двух захоронений, совершенных в ямах, углубленных в материк, находилась в глубине террасы. Судя по посуде и бронзовым наконечникам стрел, погребения, скорее всего, относятся к коптяковской культуре. Сосуды захоронений первой группы ближе всего к посуде памятников пахомовского круга.

Нижнее Притоболье, система Андреевских озер, оз. Чепкуль, Чепкуль 5, позднебронзовые погребения, коптяковская культура, пахомовские комплексы.

К эпохе поздней бронзы в Нижнем Притоболье относятся в основном немногочисленные поселения алакульской, федоровской, бархатовской и сузгунской культур, а в последние годы к ним добавились коптяковские комплексы. Исследованные поселения с долговременными жилищами и достаточно насыщенными культурными остатками слоями свидетельствуют о стабильном и длительном освоении северолесостепных и южно-таежных территорий Притоболья в этот период (см., например: [Матвеев, 1998; Зах, 1995; Корочкова, Стефанов, 1983; Матвеев, Аношко, 2009]). Однако антропологические материалы, возможно связанные с действиями погребального ритуала, и погребальные комплексы этих культур представлены лишь отдельными немногочисленными остатками на поселениях, случайными находками погребального инвентаря и единичными захоронениями.

Так, на поселении Черемуховый Куст вместе с костями животных, собранными в жилищах, зольниках и на межжилищном пространстве, обнаружены, по определению П.А. Косинцева, 15 костей человека (не считая фрагмента тазовой кости взрослой женщины из колодца 1 жилища 1 и черепа ребенка из колодца 2 жилища 6): три фрагмента черепа, две лопатки, одна лучевая кость, три большие берцовые, малая берцовая, две плечевые и три позвонка. Аналогичные находки на поселении Коркино 1 в Еткульском районе Челябинской области сделаны Ю.П. Чемякиным. В одной из ям (колодце?) в центре котлована жилища лежали в беспорядке останки нескольких человек, черепа отсутствовали [Чемякин, 1976]. Наличие в поселенческом слое костей практически всех отделов скелета человека свидетельствует о том, что тела умерших достаточно продолжительное время не хоронили и останки растаскивались собаками или дикими животными. Это могло происходить зимой, когда сразу совершить погребение было трудно. Обычно подобные находки связывают с обрядом вторичного захоронения. Разрозненные, иногда сломанные человеческие кости (фрагменты черепа, бедренные кости, фаланги пальцев и пр.) встречаются на поселениях, особенно часто в зольниках, ирменской культуры в Новосибирском Приобье.

Аналогичные находки были сделаны в зольнике 2 поселения Ново-Шадрино 7. На зольном слое светло-серого цвета в полном беспорядке и вперемешку с костями животных, обломками керамики и прочими предметами лежали остатки 13 расчлененных скелетов, присыпанные белой золой. Исследователи считают данное скопление коллективным фракционным захоронением костей, свободных от мягких тканей [Корочкова, 1999].

Вероятно, из разрушенных могил на поселении Карьер 2 происходят три археологически целых сосуда и две пары бронзовых подвесок, еще один сосуд, скорее всего связанный с разрушенным захоронением, найден на Козловом мысу [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 50].

Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье

Погребения эпохи бронзы были обнаружены и на Второй Перейме Андреевского озера (могильники Перейминский 2 и 3)¹. С.В. Зотовой в культурном слое найдены остатки костей человека (погр. 2, 13) и целые сосуды [Зах и др., 1991, рис. 2, 1]. Восточнее С.Г. Пархимовичем исследованы грунтовые ямы, разные по форме и размерам, и охристое пятно. Выделяются четыре большие овальные ямы (4, 8, 18, 19) и три меньших размеров (10, 13, 17), в одной из которых найдены кости человека и сосуд, в остальных случаях в ямах встречены кальцинированные косточки и угли. Рядом с овальными ямами группами находились круглые ямки, в трех из которых — развалы сосудов, в двух — кальцинированные кости, в остальных — фрагменты керамики. Ориентировка ям различна [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 70]. Данные материалы исследователи склонны рассматривать в рамках федоровской культуры [Там же, с. 49–51]. Остатки двух захоронений, отнесенные В.И. Стефановым к сузгунской культуре [1979], обнаружены отрядом УрГУ в 1970 г. при исследовании Потчевашского городища у г. Тобольска. Остатки костей человека находились на краю террасы в культурном слое, головой умершие были ориентированы на северо-восток, с одним погребенным найдено два сосуда, со вторым — один. Еще один сосуд обнаружен севернее захоронений. Надмогильные сооружения и очертания могил не прослеживались. Положение костяков в могиле не известно.

Два погребения бархатовской культуры обнаружены при исследовании городища раннего железного века Калачик 1 на Тоболе [Зах В.А., Зах Е.М., 1994]. Захоронения взрослого и ребенка совершены в овальных ямах, слегка углубленных в материк, судя по положению костей, умершие лежали на спине, головой на юг и с небольшим отклонением к западу. Надмогильных сооружений не прослежено. Со взрослым погребенным находился типичный бархатовский сосуд. Скорее всего, к бархатовским относится захоронение 82 с сосудом и остатками костяка и, возможно, погребение 74 с сосудом, но без костных остатков, исследованные Н.П. Матвеевой в 2007–2010 гг. на могильнике Козлов Мыс 2 в системе Андреевских озер [Матвеева, Зимина, 2010].

В 2008 г. при исследовании многослойного поселения Чепкуль 5 в северной части Андреевской озерной системы, на оз. Чепкуль (Чапкуль) (Тюменский р-н Тюменской обл.) найдены остатки, скорее всего, семи позднебронзовых захоронений (рис. 1). От двух, которые лишь слегка углублены в культурный слой, сохранились только сосуды. Остальные фиксировались по могильным ямам, слегка врезанным в материк или выделявшимся в культурном слое, остаткам костяков, сосудам и колчану с набором из 9 бронзовых и костяного наконечников стрел. Четыре погребения находились на склоне и три — в глубине террасовидного возвышения, видимых надмогильных сооружений не отмечалось, хотя это последний период активного освоения территории мыса (рис. 2).

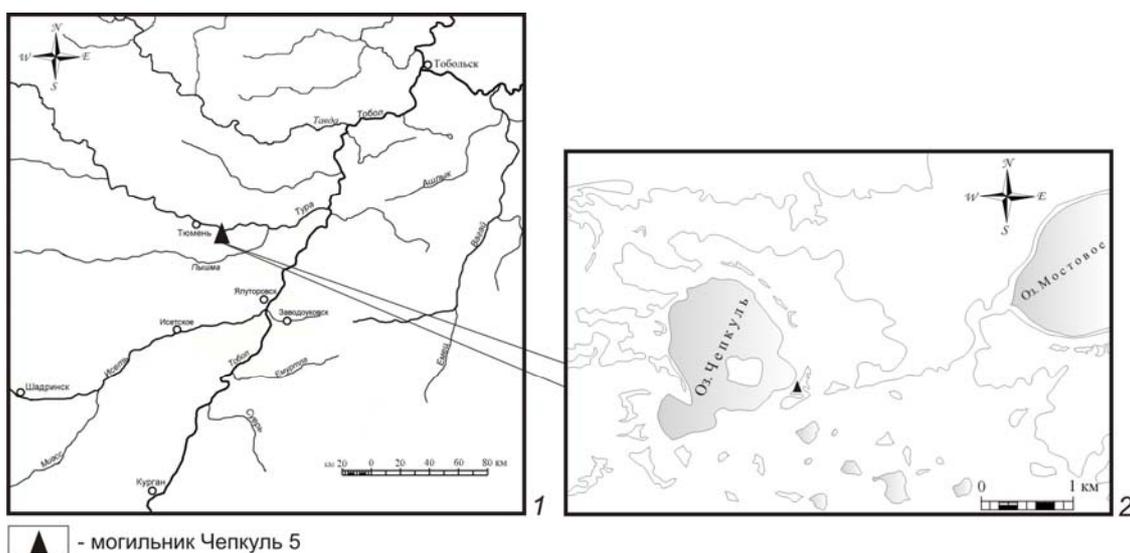

Рис. 1. Карта-схема расположения могильника Чепкуль 5

¹ На наш взгляд, это один могильник, площадь которого разделена дорогой. Западная часть (Перейминский 2) исследовалась В.Н. Чернецовым и С.В. Зотовой, восточная (Перейминский 3), у музея, раскапывалась С.Г. Пархимовичем.

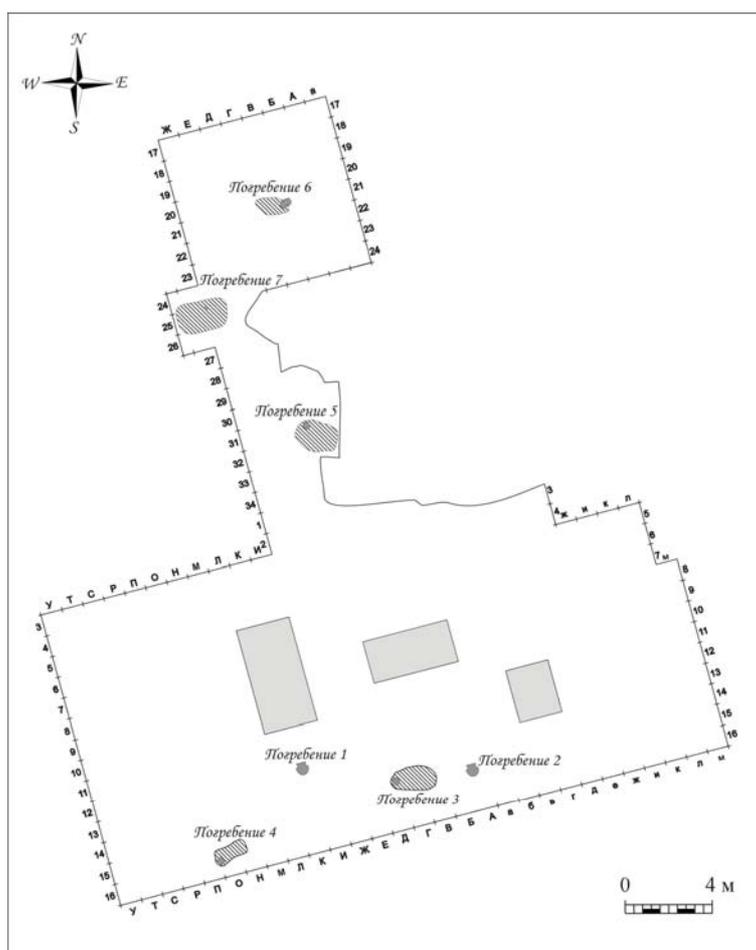

Рис. 2. План раскопа на могильнике Чепкуль 5

Судя по расположению погребений относительно края террасы, могильным ямам, посуде и инвентарю, захоронения относятся к двум хронологическим периодам. С первым связаны погребения 1–5, совершенные в неглубоких, иногда не перерезающих материк ямах, расположенные двумя рядами параллельно краю террасы, причем захоронения 1–4 — почти на ее склоне, погребение 5 — в 16 м от них вглубь террасы.

Погребение 1. Условно, поскольку выделяется по одному целому сосуду (рис. 4, 1), залежавшему в толще черной гумусированной супеси на глубине -42 см ближе к краю террасы². Могильная яма не фиксировалась (рис. 2), костей не обнаружено, кроме обломков двух закладок постоянных зубов (моляр и премоляр)³, находившихся в заполнении сосуда. Зубы принадлежали ребенку в возрасте 7–10 лет (умершему?).

Погребение 2. Условно, выделяется также по одному сосуду (рис. 4, 2), залежавшему в культурном слое вверх дном на глубине -42 см на краю террасы. Могильная яма в толще черной супеси не прослеживалась, кости не обнаружены (рис. 2).

Погребение 3. Находилась на одной линии с погребением 2 в 1,5 м к западу, на склоне ближе к краю террасы (рис. 2). В верхних горизонтах могильная яма не прослеживалась, ее контуры оформились на фоне темно-серой супеси, сосуд отмечен на уровне -0,9 м. Могильная яма размерами около 2,0×1,0 м была впущена в культурный слой раннего поселения, ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением к югу (рис. 3, 1). Судя по остаткам черепа, зубам и костному тлену, погребенный 30–40 лет лежал на правом боку, головой практически на запад. У головы стоял сосуд (рис. 4, 3).

² Здесь и далее глубина от условного нуля.

³ Здесь и далее антропологические определения О.Е. Пошехоновой, за что авторы выражают ей благодарность.

Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье

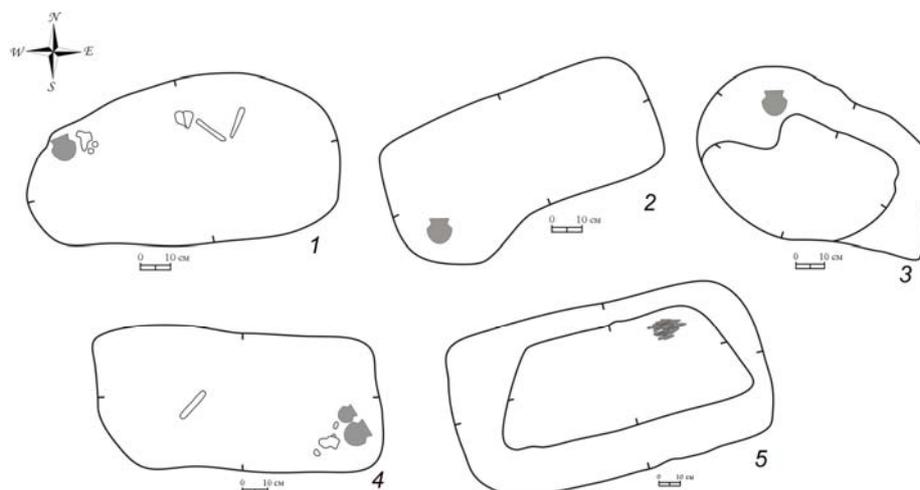

Рис. 3. Планы погребений:

1 — погребение 3; 2 — погребение 4; 3 — погребение 5; 4 — погребение 6; 5 — погребение 7

Погребение 4. Находилось на краю террасы в 8 м юго-западнее погр. 3 (рис. 2). Могильная яма размерами около 1,6×0,8 м слегка углублена в материк и раннюю яму с серым заполнением, ориентирована с юго-запада на северо-восток (рис. 3, 2). Кости не сохранились, в юго-западном углу могилы стоял сосуд (рис. 4, 4).

Погребение 5. Находилось в 16 м к северу с небольшим отклонением к западу от погр. 3 (рис. 2). Могила подовальной формы размерами 1,06×0,66 м, слегка углублена в материк (0,04 м), перерезала более раннюю яму (рис. 3, 3). Могильная яма ориентирована с запада на восток с небольшим отклонением к северу. Костей не обнаружено, в северо-западной части могилы стоял сосуд (рис. 4, 5).

Технико-технологический анализ сосудов из погребений проводился в рамках историко-культурного подхода к изучению гончарного производства, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства, которая состоит из трех последовательных стадий: подготовительной, созидательной и закрепительной, в каждой стадии выделяется несколько ступеней [Бобринский, 1978; 1999, с. 9–11].

Для изготовления посуды из первой группы погребений использовалась ожелезненная глина, которая в качестве естественных примесей содержит песок кварцевый, окатанный, в основном прозрачный, бурый железняк оолитовой формы и железистые включения аморфной и округлой формы, единичные чешуйки слюды, редкие включения крупных нерасщепленных обрывков растительности. По количеству содержащегося в глине песка выделены две условные группы — слабо- и среднезапесоченная.

Предположительно сосуд из погребения 1 был изготовлен из предварительно отмученного сырья. В большинстве же случаев, скорее всего, сырье использовалось в естественно увлажненном состоянии, так как признаки предварительного высушивания и дробления не фиксируются.

Анализ всех сосудов первой группы погребений показал, что при составлении формовочной массы в качестве искусственных примесей к глине добавлялись шамот и жидкая органическая добавка. Шамот (в основном таблитчатой формы), как правило, не калибровался, размер включений варьирует от менее 0,5 до 6,0–9,0 мм, однако преобладающий размер фракций 0,5–3,0 мм. Концентрация шамота по отношению к формовочной массе составляет 1:3/4 (2 сосуда) и 1:5 (2 сосуда). Органическая жидкая добавка предположительно определена как раствор, он фиксируется по ржавым маслянистым потекам на минеральной примеси и отдельных участках изломов, аморфным пустотам, в которых присутствует коричневый налет или маслянистые пленки, на участках некоторых изломов стенок сосуда из погребения 3 отмечаются углистые включения. Коричневый налет также присутствует в местах спаев между строительными элементами. В изломе сосуда из погребения 5 зафиксирована единичная косточка размером 1,5 мм. Выявить природу жидкой добавки пока не удалось.

Рис. 4. Сосуды из заполнения погребений могильника Чепкуль 5:
1 — погребение 1; 2 — погребение 2; 3 — погребение 3; 4 — погребение 5; 5 — сосуд 1, погребение 6;
6 — сосуд 2, погребение 6

Таким образом, по материалам погребений данной группы зафиксирован только один рецепт: «глина + шамот + органический раствор».

Реконструкция изготовления сосудов на поддонах из погребений 1 и 3 на некоторых этапах конструирования носит предварительный характер и требует дополнительных исследований. В целом сосуды на кольцевых поддонах не редкость для памятников эпохи поздней бронзы. Они встречаются как в материалах могильников, так и на поселениях Центрального Казахстана, Южного Зауралья, Среднего Притоболья, Барабинской лесостепи, Енисея в комплексах алакульской и федоровской культур [Кузнецова, Тепловодская, 1994; Кузьмина, 1994; Матвеев, 1998; Ткачев, 2002; Кукушкин, 2010; Стефанов, Корочкова, 2006; Потемкина, 1985; Молодин, 1985; Максименков, 1978]. Известны сосуды на поддонах в Тюменском Притоболье и Среднем Прииртышье в пахомовских древностях [Генинг, Стефанов, 1991; Корочкова и др., 1991; Корочкова, 2010], в Южном Зауралье в черкаскульской культуре [Петрин и др., 1993], на территории Томско-Нарымского Приобья в еловских комплексах [Матющенко, 2004]. Поддон, найденный в

Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье

сузгунско-бархатовских комплексах городища Чеганово 3 [Зими́на и др., 2005], вероятно, относится к сузгунской культуре, так как в известных на сегодняшний день бархатовских материалах подобные сосуды отсутствуют.

Скорее всего, изготовление сосудов на поддонах Чепкуля 5 осуществлялось по частям. Судя по особенностям спаев между элементами, первоначально изготавливалась чашечка, возможно, из жгутов, которые наращивались по спирали (сильная деформированность элементов затрудняет их идентификацию). Затем чашечка переворачивалась вверх дном. У сосуда из погребения 1 (рис. 4, 1) сразу же начиналось конструирование полого тела неширокими лентами по кольцу. Таким образом, программу конструирования начина условно можно обозначить как донную. «Начин» и емкость прикреплялись друг к другу дополнительной лентой снаружи, от чего в изломе поддона фиксируется два слоя. Программа конструирования начина сосуда из погребения 3 (рис. 4, 3) предварительно определяется как донно-донно-емкостная, так как по верх перевернутой чашечки (поддона) навивался еще один слой элементов из жгутов по спирали, соответствующий этой программе. Модель программы мелкая доэлементная. Полое тело данного сосуда, скорее всего, конструировалось неширокими лентами, которые наращивались по кольцевой траектории попеременным наложением с внутренней и внешней стороны.

К сожалению, в исследованиях не уделяется должного внимания особенностям конструирования подобных сосудов. Е.Е. Кузьмина указывала, что кольцо, образовавшее поддон на сосудах федоровской культуры Центрального Казахстана, прикреплялось к заготовке дна отдельно для его уплощения [1994, с. 115]. Техничко-технологический анализ керамики раннего железного века с городища Перегребное 6 из Нижнего Приобья позволил Е.Н. Дубовцевой сделать вывод, что поддоны изготавливались в форме конуса и прикреплялись к уже готовому сосуду с помощью дополнительного жгута (ленты) [Морозов, Дубовцева, 2008, с. 349].

Конструирование начинов сосудов из погребений 2 и 5 (рис. 4, 2, 4) осуществлялось в соответствии с донно-емкостной программой. Модель программы мелкая доэлементная. В качестве «строительных элементов», т.е. порций глины, выступали лоскуты, которые наращивались по траектории, близкой к веерообразной (погр. 2) и спиралевидной (погр. 5). Полое тело сосудов конструировалось из лоскутов, наращиваемых по спирали.

Форма сосудам придавалась в процессе конструирования, с применением формы-модели (сосуды из погр. 2 и 5), выдавливанием пальцами и, судя по всему, выбиванием гладкой колодушкой.

Поверхность сосудов заглаживалась и лощилась. Судя по характеру следов, первоначальное заглаживание производилось мягкими предметами (пальцы, кусочки ткани или кожи), после чего вся внешняя поверхность, а в большинстве случаев и внутренняя лощилась по подсушенной основе.

Обжиг проводился в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды, о чем свидетельствует пятнистая окрашенность поверхностей (от коричневого до темно-серого), при температуре не ниже 650 °С, на что указывает двухцветная окрашенность изломов. Ширина осветленных участков достигает 1,0–2,0 мм, граница между ними и темно-серой сердцевиной в большинстве случаев четкая. Это свидетельствует о том, что после достижения температуры каления сосуд быстро извлекался из обжигового устройства. Лишь в сосуде из погребения 5 граница между осветленным и темно-серым участками размытая, что указывает на постепенное остывание изделия.

По форме и орнаментации посуды, которая находит широкие аналогии в постфедоровских (в частности, пахомовских) комплексах на лесостепной и южно-таежной территориях от Урала до Енисея, первый хронологический период (погр. 1–5) могильника Чепкуль 5 можно отнести к концу II тыс. до н.э.

Отдельные элементы погребального обряда позднебронзового населения Нижнего Притобья находят аналогии к западу и востоку от рассматриваемой территории. Близкие захоронения обнаружены в Усть-Терсюкском 2 могильнике на Исети и Лихачевском могильнике [Матвеева, Костомаров, 2008; Генинг, Стефанов, 1991]. Однако отметим, что в Приишимье достоверно встречаются захоронения с ровиками или присутствием обожженной поверхности под насыпями [Мошкова, Генинг, 1972; Зах, 2001], что сближает их с позднебронзовыми могильниками Прииртышья, Барабы и Приобья.

Все известные немногочисленные позднебронзовые могильники Нижнего Притобья находились на краях террас, в основном были грунтовыми, без видимых в настоящее время сле-

дов надмогильных сооружений. Захоронения совершались в ямах, не перерезающих материк, или слегка углубленных в него. Умершие лежали на правом боку головой на юго-запад или северо-восток. Не исключено, что практиковались захоронения без костяков. Как правило, в могилы ставилась посуда, реже в качестве сопроводительного инвентаря выступали бронзовые изделия.

Со вторым хронологическим периодом связаны погребения 6 и 7, расположенные в глубине террасы. Захоронения совершены в углубленных в материк могильных ямах, в одной обнаружены немногочисленные остатки истлевшего костяка и сосуды, во второй — лишь колчан с 9 бронзовыми и костяным наконечниками стрел.

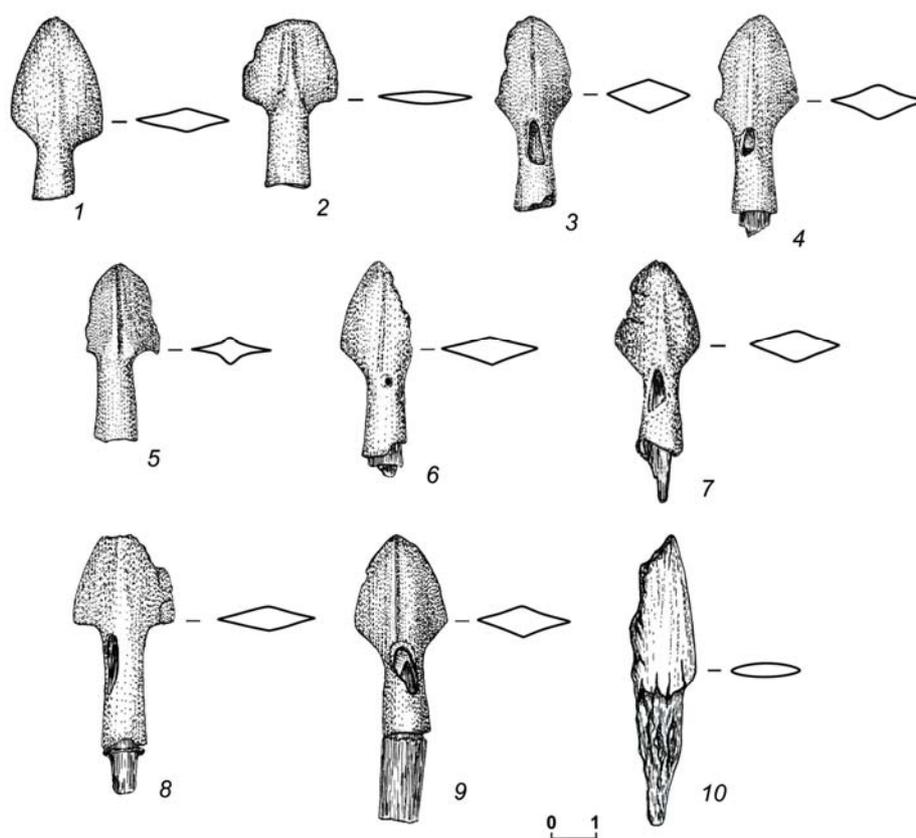

Рис. 5. Наконечники стрел из заполнения погребения 7 могильника Чепкуль 5:
1–9 — бронза; 10 — кость

Погребение 6. Находилось в 10 м северо-западнее погребением 5 (рис. 2), практически на одной линии с ним и погребением 3 (рис. 3, 4). Могила подпрямоугольной формы, размерами 1,36×0,69 м, глубиной 0,11 м, перерезала более раннюю яму, ориентирована с запада на восток. В восточной части захоронения обнаружены остатки черепа, зубы и два сосуда (рис. 4, 5, 6). Вероятно, головой погребенный (скорее всего, женщина, в возрасте от 20 до 55 лет) был ориентирован на восток. Вокруг могилы находились ямы, возможно связанные с захоронением.

Погребение 7. Находилось в 5 м юго-западнее погребения 6 (рис. 2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами около 2,7×1,7 м, углублена в материк на 0,25–0,3 м, ориентирована с запада на восток с отклонением к югу (рис. 3, 5). В центральной части могилы находилась яма трапецевидной формы размерами 1,7×0,8 м, глубиной около 0,1 м. Кости не обнаружены. У короткой стороны трапеции (северо-западная стенка) ближе к северо-восточному краю обнаружены остатки колчана (?) с 9 бронзовыми и костяным наконечниками стрел, остриями направленными на северо-восток (рис. 5).

Сосуды из второй группы погребений также были подвергнуты технико-технологическому анализу. Для их изготовления использовалась только ожелезненная глина, которая в качестве

Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье

естественных примесей содержит песок кварцевый окатанный, прозрачный и полупрозрачный, рыхлые, легко разрушающиеся иголкой, железистые включения аморфной формы, единичные обрывки стеблей и листьев растений. Единично представлена щелевидная пустота до 5,0 мм, возможно от раковины речных моллюсков. Признаков высушивания и последующего дробления сырья не фиксируется, что позволяет предположить его использование в естественно увлажненном состоянии.

В качестве компонентов в формовочной массе отмечены шамот и жидкая органическая добавка. Шамот не калибровался, размер включений составляет в основном от менее 0,5 мм до 2,0–3,0 мм, также встречаются крупные частицы до 5,0–6,0 мм. Концентрация шамота по отношению к формовочной массе составляет 1:4 и 1:5. Жидкая органическая добавка определена нами как раствор. При составлении формовочной массы сосуда 1 (рис. 4, 5) использовался раствор на основе рыбы, о чем могут свидетельствовать многочисленные остатки чешуи размером до 5,0–8,0 мм и измельченных косточек размером 2,0–5,0 мм. Наличие раствора фиксируется по присутствию в изломах сосудов пустот аморфной и трещиноватой формы, как отдельных, так и вокруг минеральной примеси. Внутри пустот, а также на отдельных участках изломов наблюдаются светло-коричневый налет, ржавые маслянистые потеки, мелкие углистые включения.

Таким образом, для сосудов второй группы захоронений отмечается один рецепт формовочной массы: «глина + шамот + органический раствор».

Конструирование начинов сосудов осуществлялось в соответствии с донно-емкостной программой. Модель программы мелкая доэлементная. Для изготовления начина и полого тела обоих сосудов в качестве «строительных элементов», т.е. порций глины, выступали небольшие лоскуты, которые наращивались по траектории, близкой к спиралевидной. Полое тело сосуда 1 изготавливалось в два приема: вначале наращивание лоскутов производилось до плеча будущей емкости, после чего края выравнивались, происходила смена наложения элементов и продолжалось конструирование плечика и шейки. Верхний край последнего ряда лоскутков загибался внутрь, от чего с внутренней стороны края венчика образовался небольшой наплыв.

Формообразование сосудов производилось в основном в процессе конструирования, когда использовались форма-модель, выдавливание пальцами и выбивание гладкой колотушкой.

Вся внешняя поверхность сосудов и шейка с внутренней стороны ложились по подсушенной основе, скорее всего, небольшой галькой, от которой остались неглубокие бороздки. Внутренняя поверхность одного из сосудов, судя по следам, первоначально заглаживалась деревянным (?) шпателем с шириной рабочего края около 1,6 см, окончательное же заглаживание производилось галькой по влажной основе. На дне и придонной части небольшого сосуда с внутренней стороны следов обработки не фиксируется, а первоначальное заглаживание внутренней стенки, скорее всего, осуществлялось пальцами.

Обжиг проходил в окислительно-восстановительной среде, при температуре не ниже 650 °С, на что указывает трехцветная окрашенность излома сосуда 1 и двухцветная — излома дна сосуда 2. Ширина осветленных участков достигает 1,0–2,0 мм, граница между ними и темно-серой сердцевинкой у сосуда 1 четкая, а у сосуда 2 — размытая. Данные признаки свидетельствуют о том, что после достижения температуры каления сосуд 1 был быстро извлечен из обжигowego устройства, а сосуд 2 постепенно в нем остывал.

Сосуды из погребения 6 Чепкуля 5 находят аналогии прежде всего в коптяковских комплексах, геометрические узоры и зигзаг сближают их с алакульской посудой, а орнаменты, выполненные оттисками крупной и мелкозубой гребенки, — с федоровской. За исключением незначительных деталей, сосуды имеют сходство с посудой могильника Палатки 1 [Викторова, 2001, рис. 6].

В захоронении 7 у северо-западной стенки ямы обнаружено 9 бронзовых и костяной наконечники стрел (рис. 5). Их компактное расположение позволяет предположить, что стрелы находились в колчане, от которого сохранились незначительные органические остатки. Бронзовые наконечники имеют ближайшие аналогии в материалах кургана 7 Смоленского могильника и Межовского и Садчиковского поселений, которые датируются в пределах XIV–XII вв. до н.э. [Сальников, 1967, рис. 52, 12, 13; Кузьмина, 1973, с. 163, рис. 4; Аванесова, 1991, рис. 39].

Наиболее близки описанные захоронения к исследованному В.Д. Викторовой комплексу Палатки 1 на острове Каменные Палатки [2001], где погребения также располагались рядом с жилищем. Захоронения с коптяковской посудой (4, 5, 9, 10) находились севернее и южнее разрушенного коптяковского жилища, а могила 6 перерезала его пол в северо-западной половине.

Близость могильников усматривается и в наличии двух групп захоронений: с остатками костяков и посудой, иногда фрагментированной, и без костяков с металлом. Первая группа связана с детскими захоронениями, вторая, в частности погребение 3,— с кенотафами, о чем, по мнению исследователей, свидетельствует почвенный анализ на содержание фосфора в почве, показавший отсутствие костяка в могиле. Кроме того, в обоих комплексах присутствуют могильные ямы трапецевидной формы.

Вместе с тем прослеживаются некоторые различия в погребальном обряде этих могильников. Так, во всех захоронениях некрополя Палатки 1, в которых обнаружены останки умерших, отмечаются прокаленные участки, углистые пятна и обожженные кости. Погребение 6 могильника Чепкуль 5 представляет собой труположение.

Присутствие на могильнике двух хронологически различающихся групп погребений подтверждается некоторыми различиями не только в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре, но и в производстве керамических комплексов. Хотя по технико-технологическим параметрам в целом сосуды обеих групп близки между собой, что, вероятно, объясняется их генетической преемственностью. Близость проявляется как в использовании одного вида сырья — глины, так и в применении одного рецепта составления формовочных масс с использованием шамота и органического раствора. Определенное сходство наблюдается и на одной из самых консервативных ступеней гончарного производства — при конструировании сосуда, когда изготовление начиналось производилось в соответствии с донно-емкостной программой, а в качестве строительных элементов использовались лоскуты. Из общей картины выделяется только два сосуда из погребений 1 и 3, программа конструирования которых, по всей видимости, определяется наличием такой неординарной детали, как поддон. Снаружи все проанализированные сосуды залощены по подсушенной поверхности, а первоначальное заглаживание в большинстве случаев осуществлялось инструментами с эластичной рабочей поверхностью. Обжиг всех сосудов производился без использования специальных обжиговых устройств.

Предварительно отметим, что наблюдается определенное сходство исследованного материала с поселенческим комплексом керамики коптяковской культуры Чепкуля 5, для которого также фиксируются органический раствор в качестве добавки к формовочной массе, донно-емкостная программа конструирования начина сосудов, использование глиняных лоскутов и лент в качестве «строительных элементов», лощение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Викторова В.Д.* Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. Вып. 4. С. 95–107.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И.* Могильники андронидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 52–60.
- Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А.* Исследования курганного могильника Ласточкино Гнездо 2 у г. Ишима // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. Вып. 3. С. 221–225.
- Зах В.А., Зах Е.М.* Городище раннего железного века Калачик 1 на Тоболе // Западная Сибирь — проблемы развития. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 32–44.
- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н.* Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 13–42.
- Зимина О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н. и др.* Городище Чеганово 3 в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 58–72.
- Корочкова О.Н.* Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург, 1999. С. 57–63.
- Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андронидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во БашГУ, 1983. С. 143–151.

Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье

- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 70–92.
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.
- Кузьмина Е.Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 153–164.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарины? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Кукушкин И.А. Новые исследования на могильнике Ацису // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 71–75.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.
- Матвеева Н.П., Зимина О.Ю. Погребения рубежа финальной бронзы — переходного времени к железному веку в Тюменском Притоболье // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2010. С. 145–154.
- Матвеева Н.П., Костомаров В.М. Об особенностях погребальных традиций населения пахомовской культуры Западной Сибири // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 1. С. 423–425.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Морозов В.М., Дубовцева Е.Н. Керамический комплекс эпохи раннего железного века городища Перегребное VI // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Зап.-Сиб. археол.-этнограф. конф. Томск: АграфПресс, 2008. С. 349–353.
- Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 87–118.
- Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск: Наука, 1993. 102 с.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Стефанов В.И. Сузгунские погребения на Потчеваше // Вопр. археологии Приобья. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1979. С. 82–90.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: Зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 160 с.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.; Ч. 2. 243 с.
- Чемякин Ю.П. Новое поселение андроновского времени в Южном Зауралье // АО 1975 г. 1976. С. 206–207.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru
vika_tika@mail.ru

The article considers materials of Late Bronze burials found during investigations of Chepkul 5 multi-layer settlement. Subject to consideration being two burial groups. The first group was represented by remnants of five burial complexes located closer to the edge of the terrace. In two cases, those were vessels held in black sandy loam, while in other two cases they stood in shallow burial pits, cutting the subsoil. Skeletons have not been preserved. In burial 3, input into the cultural layer of the settlement, there were preserved skeleton remnants from which we could determine a position of the buried, lying on the right side with the head facing West and a vessel standing by the head. The second group, consisting of two burials made in pits deepened into the subsoil, was located on the depth of the terrace. Judging by dishes and bronze arrowheads, the burials most probably refer to the Koptyakovo culture. The vessels from burials of the first group being closest to the dishes of the Pakhomovo circle sites.

Lower Tobol basin, system of the Andreyevo lakes, Chepkul lake, Chepkul 5, Late Bronze burials, the Koptyakovo culture, the Pakhomovo complexes.